

К.Ю. Кирюшин

Современные концепции культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Алтая

Проблема выделения археологических культур не раз становилась объектом оживленных дискуссий [1]. Не ставя перед собой задачи рассмотрения общих проблем и критериев выделения археологических культур для всех исторических эпох Алтая, хотелось бы подробно разобрать ситуацию с имеющимися на сегодняшний день концепциями и подходами к проблеме определения культурной принадлежности памятников неолита и энеолита. В современных исследованиях наметился всесторонний подход к изучению археологических источников [2, с. 7]. В этом случае даже если некоторые стороны жизни древних обществ (например – погребальный обряд) были неизвестны исследователям, общая историческая картина воссоздается в наиболее полной и убедительной форме [2, с. 7]. В случаях, когда исследователи ограничиваются описанием керамики или каменного инвентаря, на основании аналогий в других культурах дают им хронологическую и культурно-историческую оценку, выделяя культурно-исторические единицы, некоторые из выделенных культур или общностей в дальнейшем могут изменить свои характеристики от расширения археологических исследований и усовершенствования методов [2, с. 7].

История изучения памятников неолита Алтая связана с именами многих уважаемых ученых [3–6]. Созданные ими концепции отражают определенный уровень накопления фактического материала, развития методов естественных наук и господствующие теоретические доктрины. Наиболее подробно история проблемы определения культурной принадлежности памятников неолита изложена в трудах А.В. Шмидта [7]. Не собираясь вдаваться в исследования историографического характера и оценивать уровень развития научной мысли в советской археологии 1950–1970-х гг., автор хотел бы подробно остановиться на современных концепциях, опубликованных в научной литературе за последние два десятилетия.

На территории Алтая выделяются несколько ландшафтных зон: Горный Алтай, Рудный Алтай, Верхнее Причумышье и Приобское Плато. Наиболее хорошо изучены памятники неолита Горного Алтая. Начиная с 1988 г. на Средней Катуне под руководством Ю.Ф. Кирюшина на поселении Тыткескень-2 проведены крупномасштабные работы, в результате которых было вскрыто более 1136 кв. м и выявлено девять культурно-хронологических горизонтов: от раннего железного века до мезолита [8–13]. Данное поселе-

ние уникально тем, что большая часть культурных горизонтов отделена друг от друга стерильными прослойками песка эолового происхождения. Благодаря этому мы имеем четкую относительную хронологию для восьми культурных горизонтов на продолжительном временном отрезке от позднего мезолита до энеолита. Для трех исследуемых нами горизонтов получены радиоуглеродные даты. На данном памятнике стратиграфические наблюдения дают четкую относительную хронологию, а радиоуглеродные даты позволяют дать абсолютную и календарную датировку отдельных комплексов и построить периодизацию культур мезолита-энеолита Средней Катунь, особая ценность которой заключается в том, что она создана на материалах одного памятника, полученных из одновременных слоев, законсервированных в вертикальной последовательности и разделенных стерильными прослойками, что обеспечивает чистоту комплексов и гарантирует хронологическую последовательность. Материалы исследуемого памятника позволяют проследить тенденции в изменении каменного инвентаря на широком хронологическом интервале: от мезолита до энеолита; проследить развитие керамического производства от раннего неолита до энеолита; определить критерии для разделения неолита от более ранних до более поздних комплексов.

Все эти обстоятельства позволяют отнести поселение Тыткескень-2 к числу наиболее высокоинформативных памятников эпохи мезолита-энеолита Западной Сибири. На сегодняшний день этот геоархеологический комплекс является уникальным для Горного Алтая, что позволяет рассматривать его как базовый при построении периодизационных схем древней истории Горного Алтая от финального мезолита до энеолита [13].

Впервые попытка определить культурную принадлежность материалов поселения Тыткескень-2 была предпринята Н.Ю. Кунгуровой. Ею сделан вывод о единокультурности материалов поселений Усть-Сема (верхний слой), Элекманар и Тыткескень-2 и выделена еландинская культура эпохи мезолита-неолита [14, с. 43]. Автор в более поздней работе справедливо отмечает: «Анализ, основанный только на сравнении отдельных признаков и артефактов, неизбежно приводит к необъективным выводам и ошибкам. Несомненно, неполные публикации, в особенности тезисного характера, не способны раскрыть основные проблемы культуры и дать полные обоснования утверждаемых

принципов. В их лимитированном объеме не ощущается недостатка фактических доказательств. Чаше всего именно в тезисах рождаются культуры» [15, с. 339]. Видимо, поэтому в своих последующих работах Н.Ю. Кунгурова не использует термин «еландинская культура». Более того, исследовательница пересмотрела свои взгляды и остановилась на том, что материалы мезолита и раннего неолита «не принадлежат к одной культуре, но имеют общие технологические корни» [16, с. 12]. По ее мнению, неолитическая традиция Катуня сложилась на основе местного мезолита (Усть-Сема) и в течение периодов неолита значительных изменений не претерпела [16, с. 22–23].

Идеи Н.Ю. Кунгуровой получили продолжение в трудах А.Л. Кунгурова, который, ограничив хронологические рамки еландинской культуры ранне-неолитическим временем, включил ее в свою периодизацию каменного века Алтая [17, с. 140]. По мнению А.Л. Кунгурова, сложение культуры происходило на основе автохтонного мезолитического комплекса усть-семиинской культуры под влиянием пришлых центральноазиатских микролитических традиций [17, с. 140]. Несколько удивляет набор характеристик и отличительных черт этой культуры, данный автором. Так, в качестве основных характеристик культуры указана керамика, украшенная качалкой [17, с. 140]. Подобный орнамент в керамических коллекциях раннего неолита поселения Тыткескень-2 нам просто не известен, а все остальные памятники, упоминаемые в составе еландинской культуры, относятся к мезолиту и на них, по определению, нет керамики.

Обработанные материалы ранне-неолитических горизонтов поселения Тыткескень-2 в силу крайней фрагментарности керамических коллекций пока не позволяют однозначно решать проблемы их культурной принадлежности [13, с. 113]. Выделение еландинской культуры, по нашему мнению, является необоснованным.

Автором статьи совместно с Ю.Ф. Кирюшиным выделена среднекатунская поздне-неолитическая культура с двумя этапами: ранним, к которому относится горизонт 4А и часть неолитического комплекса поселения Куом, и поздним, к которому относится четвертый горизонт [13, с. 113–114]. Мы считаем, что процесс сложения среднекатунской археологической культуры занял достаточно длительный промежуток времени, и в ее формировании принимало участие несколько этнокультурных компонентов, одним из которых было население, переселившееся на территорию Катуня из Средней Азии или Казахстана [11, с. 361–362; 13, с. 113–114]. Предположения об участии в формировании среднекатунской культуры групп населения из Средней Азии или Казахстана поддержал С.А. Ефремов [18, с. 256]. Н.Ю. Кунгурова выступила с резкой критикой, приписав авторам идею «о среднеазиатском генезисе среднекатунской культуры» [15,

с. 342], которую мы никогда не выдвигали. Необходимо четко оговориться, что, по нашему мнению, среднекатунская культура складывается на местной основе, но при этом в процессе ее формирования принимали участие племена из Средней Азии или Казахстана. Показательно то, что, критикуя исследователей [11–13], Н.Ю. Кунгурова признает, что «культурное влияние со стороны Казахстана или Средней Азии было» [15, с. 343]. Она также считает, что в последнее время наметилась «тенденция к необоснованному причислению к данной культуре любых памятников эпохи неолита на Катуня» [15, с. 343]. Хотелось бы отметить, что мы ни в коей мере не намерены все памятники неолита на Катуня относить к среднекатунской культуре. Вместе с этим с накоплением источниковой базы по неолиту Средней Катуня неизбежно отнесение новых памятников к среднекатунской культуре. В этом отношении показательным является пример поселения Тыткескень-6, на котором в 2006 г. исследован комплекс, относящийся к эпохе неолита [19]. Неолитическая посуда поселения Тыткескень-6 представлена горшками с высокой горловиной с плавным переходом от шейки к плечикам. Для этого комплекса получены две радиоуглеродные даты (6200 ± 210 и 5930 ± 150), выполненные в лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН с.н.с., к.г.-м.н. Л.А. Орловой. Анализ археологических коллекций поселения Тыткескень-6 потребует много времени, и нам бы не хотелось делать выводы до окончания исследований, но уже сейчас можно отметить своеобразие полученных материалов. Скорее всего, неолитические материалы поселения Тыткескень-6 отражают начальный этап формирования среднекатунской культуры. Не исключено, что с накоплением фактического материала будут прослежены общие элементы в материальной культуре ранне-неолитических комплексов поселений Тыткескень-2 и Тыткескень-6, с одной стороны, и материалов среднекатунской культуры – с другой. В этом случае хронологические рамки среднекатунской культуры могут быть пересмотрены (расширены вплоть до раннего неолита).

На территории Приобского плато и Верхнего Причумышья в последние годы выделены несколько культур раннего неолита: рубцовская и корначакская соответственно, характеристики которых даны в работах А.В. Шмидта [7; 20–22] и А.Л. Кунгурова [17; 23–25]. По нашему мнению, выделение этих культур, и особенно корначакской, носит крайне дискуссионный характер.

Впервые корначакская культура была выделена в работе А.Л. Кунгурова [23, с. 103–104] по результатам исследования трех поселений Усть-Васиха-2 (вскрыто около 100 кв. м), Корначак-2 (20 кв. м) и Усть-Шамониha-1 (упоминается о шурфовке без указания вскрытой площади) [23, с. 98–104]. Из указанных поселений только Корначак-2, по мнению

А.Л. Кунгурова, является однослойным [23, с. 102]. Также отмечается, что коллекция каменных артефактов составляет свыше трех тысяч изделий и что керамический комплекс изучен слабо. С поселения Корначак-2 получена радиоуглеродная дата 7340 ± 175 лет (5390 ± 175 л. до н.э.) (СОАН-2990) [23, с. 102; 24, с. 40], поэтому предложенная датировка памятника VI–V тыс. до н.э. не вызывает возражений. На размышления о правомерности выделения корначакской культуры наводят небольшая вскрытая площадь поселений и сравнительно немногочисленный каменный инвентарь. По нашему мнению, три тысячи артефактов нельзя назвать представительной выборкой, позволяющей дать характеристику археологической культуре. Фрагментарность керамических коллекций привела к тому, что некоторые исследователи [26, с. 47] поставили под сомнение неолитическую датировку керамики поселения Усть-Васиха-2, отнеся ее к эпохе ранней бронзы. К сожалению, за прошедшие годы объем фактического материала по указанным памятникам и по культуре в целом не увеличился. Не отрицая возможности существования в Верхнем Причумышье ранее неизвестной ранне-неолитической культуры, включение корначакской культуры в хронологические таблицы и периодизационные схемы [17, с. 139–140] нам кажется преждевременным.

Активно упоминающаяся в последние несколько лет рубцовская неолитическая культура выделена исследователями в 1999 г. [25, с. 62–63]. К сожалению, опубликованные материалы по этой культуре также очень фрагментарны. Из материалов поселения Рубцовское, которое дало название культуре, достаточно подробно опубликованы только каменные артефакты (1772 экз.) [25]. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в самой первой публикации А.А. Тишкин, описывая обстоятельства залегания культурного слоя на поселении, недвусмысленно замечает, что «необходимо отметить то наблюдение, что каменный инвентарь, как правило, залегал ниже, нежели фрагменты керамики. Данный факт проявился на всей площади раскопа» [27, с. 32]. Далее автор отмечает, что хотя керамический материал немногочисленный, однако привлекает внимание ряд фрагментов с текстильными отпечатками на внешней поверхности сосудов, кроме того, отмечается, что ряд фрагментов находит аналогии на памятниках эпохи ранней бронзы Алтая [27, с. 35]. В более поздних работах ученые, проводившие работы на поселении Рубцовское, не уделяют должного внимания обстоятельствам залегания находок [7; 20; 21]. Из опубликованных работ создается впечатление, что каменный инвентарь и керамика являются частью единого комплекса. Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. В серии работ А.В. Шмидт характеризует керамический комплекс рубцовской культуры [7; 20; 21]. По мнению автора, в оформлении керамики прослежива-

ются несколько орнаментальных традиций: прочерченный орнамент, гребенка, наколы, однако наибольшее количество посуды (около 50%) не орнаментировано, отмечено, что некоторые сосуды орнаментированы с внутренней стороны [7, с. 11]. О фрагментах с текстильными отпечатками на внешней поверхности сосудов не сказано ни слова. Керамика, украшенная гребенкой и наколами, а также орнаментированная с внутренней стороны, находит многочисленные аналогии в материалах памятников кипринского типа. В настоящий момент опубликовано всего несколько фрагментов керамики [21; 22, с. 71, рис. 2.-1], причем большинство со стоянки Гусятник-2 в Новичихинском районе Алтайского края. Как отмечают сами авторы публикации [22, с. 68], материал собран с раздува площадью 700 кв. м, культурный слой памятника практически полностью уничтожен. По большому счету, у нас нет неоспоримых доказательств, что керамика и каменный материал являются частью единого комплекса. Единственный опубликованный сосуд, у которого почти полностью реконструируется форма, украшен гребенчатым орнаментом [22, с. 71, рис. 2.-1]. Подобная форма и орнаментация посуды очень широко распространены в Северной Евразии и в эпоху неолита, и в энеолите.

А.В. Шмидт указывает о том, что в качестве отощителя при изготовлении керамики использовалась шерсть животных [7, с. 11]. Этот момент, как нам кажется, является очень важным. В практике технологического исследования древней керамики смешение рецептур (тесто с различными примесями) часто понимается как отражение процессов культурного смешения [28–30].

В западносибирских и алтайских материалах такая добавка, как шерсть, фиксируется достаточно редко. О.В. Софеев отмечает использование шерсти в качестве примеси для отступающе-накольчатой керамики поселения Каргат-6 (Бараба) [31]. В целом органическая традиция в Зауралье и Западной Сибири в большей степени связана с боборькинской посудой, накольчато-отступающим типом керамики Прииртышья и Барабы игрековской посудой Приобья [29]. В гребенчатой посуде неолита-раннего металла органическая примесь встречается, но значительно реже, чем в перечисленных культурных комплексах.

И.Г. Глушковым проделан технологический анализ керамических коллекций поселения Тыткескен-2, в результате которого установлено, что в посуде из разных слоев памятника в качестве органического наполнителя использовалась грубая шерсть (волос) [30, с. 3]. Использование волоса отмечено в керамике седьмого, шестого, пятого, четвертого горизонтов и горизонта 4-А. Традиция использования в качестве органической добавки волоса преимущественно связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом, и в материалах седьмого, шестого, четвертого-

и четвертого горизонта представлена серийно [30, с. 3]. В единичном случае эта добавка представлена в керамике пятого горизонта, для декора которой характерно использование прочерченного узора.

Традиция формовки (именно формовки) керамики поселения Тыткескень-2 включает специфический технологический прием обматывания емкости волосом в процессе создания полого тела сосуда. Этот формовочный прием не имеет никакого отношения к составлению формовочных масс с использованием органических примесей, хотя полностью исключать подобную функцию вряд ли правомерно. Возможно, этот прием выполнял сразу две функции – армирования в процессе формовки (основная) и внесения таким образом органических добавок в тесто (второстепенная). Мы уже отмечали [30, с. 5], что это базовый прием формовочной (культурной, этнографической) традиции неолитических комплексов этого памятника, в той или иной степени проявляющийся в горизонтах от раннего до финального неолита.

Технологический анализ керамических коллекций поселенческих комплексов Приобского плато и сравнение полученных результатов с материалами поселения Тыткескень-2 представляются очень перспективными.

По мнению А.В. Шмидта, в каменной индустрии и керамике рубцовской культуры просматривается сходство с ранне- и средненеолитическими комплексами Средней Азии, Казахстана, Южного Урала, Волго-Уральского междуречья [21, с. 13]. Вообще широкий круг аналогов материалам рубцовской культуры от Волги до Средней Азии А.В. Шмидт объясняет схожими путями исторического развития, истоки которого он видит в кельтеминарском влиянии, а территорию рубцовской культуры рассматривает как восточную периферию распространения «кельтеминарской общности» [20; 21, с. 13]. В целом данное положение не вызывает возражений, но очень странно, что, отмечая микролитический характер индустрии рубцовской культуры и развитую призматическую технику скальвания, исследователь не привлекает для сравнения материалы поселения Тыткескень-2. Древние жители поселений Тыткескень-2 и Рубцовское использовали разную сырьевую базу, что, несомненно, стало одним из факторов, определяющих различия каменных индустрий этих памятников (таких факторов, конечно, было гораздо больше), но, несмотря на различия, те материалы, с которыми мы имели возможность ознакомиться, свидетельствуют об определенной степени близости приемов первичного расщепления и вторичной обработки пластин. Различия фиксируются прежде всего в составе орудийного набора. Такие категории, как долота и тесла, широко представленные на поселении Рубцовском, на Тыткескене-2, встречены в единичных экземплярах.

Выводы исследователей о хронологии памятников рубцовской неолитической культуры не под-

тверждены радиоуглеродными датами [17; 20–22; 32]. Без этого все периодизационные построения [17] и схемы распространения культуры [21] смотрятся неубедительно.

Не отрицая возможности существования на территории Приобского плато ранее неизвестной ранне-неолитической культуры, хотелось бы отметить, что пока не опубликованы в полном объеме все материалы памятников, относимых к рубцовской культуре, и с них не получены радиоуглеродные даты, проблемы реконструкции этнокультурных и демографических процессов [32] на территории региона далеки от разрешения.

Впервые вопросы культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Верхнего Приобья были рассмотрены М.Н. Комаровой, которая «по характеру керамики» выделила для этого региона три типа памятников (кипринский, ирбинский и кротовский), по ее мнению, они соответствовали трем хронологическим этапам неолитической культуры [3, с. 94]. Позднее поселения кротовского типа были отнесены к эпохе ранней бронзы и выделены В.И. Молодиным в самостоятельную кротовскую культуру [6, с. 48]. В.И. Матющенко включил поселенческие комплексы Верхнего Приобья в верхнеобскую неолитическую культуру, в которой выделялись два хронологических этапа: кипринский и ирбинский [5, с. 110, 121]. Он также предложил датировать эти памятники IV–III тыс. до н.э., отметив, что это время частично соответствует афанасьевскому в Южной Сибири [4, с. 14]. По мнению В.И. Молодина, развитие неолитической эпохи Верхнего Приобья происходило в два этапа: ранний – завьяловский, поздний – кипринский в рамках верхнеобской неолитической культуры [6, с. 25]. Ирбинские памятники Вячеслав Иванович отнес к эпохе раннего металла [6, с. 36]. В.А. Зах также в рамках верхнеобской неолитической культуры выделил два этапа: ранний – изылинский, поздний – кипринский, а ирбинские памятники отнес к эпохе раннего металла [33, с. 146, 155].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что большинство исследователей в рамках единой неолитической культуры выделяют несколько хронологических этапов (чаще два). У всех ученых присутствует кипринский этап, в двух случаях – ранний, в двух – поздний. На сегодняшний день не вызывает сомнения выделение В.И. Молодиным самостоятельной кротовской культуры. Отдельно стоит остановиться на точке зрения Ю.Ф. Кирюшина, который в полном объеме ввел в научный оборот материалы поселений Киприно и Ирба [26, с. 38–45]. По мнению Ю.Ф. Кирюшина, эти комплексы относятся к эпохе энеолита [26, с. 38–45]. Памятники ирбинского типа [6], или культуры [17], или комплекса [33; 34] специалисты относят либо к эпохе раннего металла [6; 33], либо к завершению каменного века [17], либо датируют

IV–III тыс. до н.э. [34]. Правда, в некоторых случаях исследователи достаточно вольно трактуют ирбинский тип. Так Н.Ю. Кунгурова отнесла к ирбинскому типу материалы поселения Енисейское-I [34]. Исследовательница сама замечает, что «керамика, в особенности ее форма, не характерна для известных стереотипов ирбинской посуды» [34, с. 5]. Мы согласны с Н.Ю. Кунгуровой, что керамика поселения далека от ирбинских стереотипов и, по нашему мнению, вопрос о культурной принадлежности памятника стоит рассматривать вне рамок ирбинского типа (комплекса или культуры).

В результате получается достаточно мозаичная картина различных точек зрения исследователей на одни и те же проблемы. Подобная ситуация во многом объясняется характером источников, так как большинство из имеющихся в распоряжении археологов материалов получены с разрушенных стоянок, на которых очень часто представлены разновременные комплексы. Поэтому во многом обоснованной представляется позиция А.В. Шмидта, который предлагает отказаться от термина «верхнеобская неолитическая культура», а использовать термин «неолит Верхнего Приобья», не уточняя культурную принадлежность памятников [7, с. 21; 21, с. 18]. При этом автор предлагает «использовать такие понятия, как «завьяловский», «кипринский», «изылинский» и другие типы памятников или керамики. Но использовать эти термины не как названия хронологических этапов, характерных для всего или большей части Верхнего Приобья, а именовать ими локальные варианты, имеющие свое временное и территориальное место» [7, с. 21]. В целом мы согласны с этим положением, но оно нуждается в уточнении. Считаем, что одной из главных проблем в реконструкции этнокультурных процессов на территории Верхнего Приобья и Приобского плато является отсутствие радиоуглеродных дат. При определении естественно-научными методами хронологии памятников проблемы их периодизации и культурной принадлежности будет решать гораздо легче.

В этом отношении достаточно показательной выглядит картина с поселением Новоильинка-III, расположенным в Хабаровском районе Алтайского края, открытым в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого вскрыто около 30 кв. м. Обстоятельства залегания материалов позволяют говорить о сохранности культурного слоя в непереотложенном состоянии. В первой публикации рассматривались проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятника [35, с. 281–282]. Исследователи отмечали научный потенциал и перспективы исследования поселения Новоильинка-III, а также близость материалов полученных керамических коллекций и материалов пос. Киприно и других памятников кипринского типа [35, с. 281–282]. Материалы поселения были пред-

варительно датированы первой половиной III тыс. до н.э. и отнесены к эпохе позднего неолита – энеолита [35, с. 281–282].

Анализ остеологических коллекций поселения, выполненный С.К. Васильевым, показал, что среди определимых остатков абсолютно преобладают кости лошади [36, с. 363]. Также было установлено, что большинство из промеров костей лошади из Новоильинки-3 приближается к средним значениям промеров лошадей Ботая, что фауна с поселения по своему составу, относительному обилию представленных в ней видов оказывается весьма близка к фауне поселения Ботай в Северном Казахстане [36, с. 365]. Среди исследователей нет единства в отношении скотоводства у ботайцев. Часть исследователей считают ботайскую лошадь дикой. Мы склонны считать, что население поселения Новоильинка-III занималось скотоводством.

По костям животных получена радиоуглеродная дата 4270 ± 170 лет т.н. (Je-7534), что позволяет датировать материалы поселения Новоильинка-III 2-й половиной III тыс. до н.э. [36, с. 365]. Весь каменный материал поселения представлен орудиями на отщепках, орудиями, выполненными на плитках и из цельных блоков, а также отходами производства (отщепками, осколками и чешуйками). Следует отметить, что до сих пор на поселении не найдено ни одного нуклеуса или скола с нуклеуса, ни одного орудия на пластине.

Результаты радиоуглеродного датирования, анализ каменных, керамических и фаунистических коллекций памятника делают актуальным вопрос о пересмотре периодизации материалов пос. Новоильинка-III. Полагаем, что материалы памятника относятся к эпохе энеолита. Мы согласны с исследователями, которые отмечали близость материалов полученных керамических коллекций и материалов памятников кипринского типа. Считаем, что материалы поселений Новоильинка-III и Киприно, несомненно, относятся к единой культурной традиции. Керамический комплекс поселения выглядит очень однородным. Подавляющая доля керамики орнаментирована в технике отступающей и прочерченной палочки, которые сочетаются с поясами ямок и ямочных наколов. В коллекции также присутствуют фрагменты с «ложнотекстильным орнаментом» [35, с. 280–281]. Возможно, на формирование хозяйственно-культурного типа памятника оказало влияние населения из Восточного Казахстана [36, с. 365], однако в том, что местный кипринский компонент составляет доминирующее влияние в комплексе, сомнений нет.

Результаты радиоуглеродного датирования и анализ коллекций поселения Новоильинка-III поднимают целый комплекс проблем, требующих дальнейшего углубленного исследования памятников неолита и энеолита Алтая. Научный потенциал и перспективы

исследования памятника позволяют надеяться на получение новых высокоинформативных материалов, позволяющих продвинуться в решении сложных проблем этнокультурной ситуации на Алтае в эпоху неолита и энеолита. В ближайшее время мы планируем получить серию дат по материалам поселения Новоильинка-III. Возможно, получится отобрать образцы для датирования с других памятников кипринского типа. Не исключено, что для каких-то памятников будут получены даты, позволяющие отнести комплексы к эпохе неолита, но, скорее всего, они будут укладываться в рамки III тыс. до н.э.

В целом просматривается следующая тенденция. В настоящее время значительно сократилось количество источников по эпохе неолита Верхнего Приобья. Кротовские комплексы относят к эпохе раннего металла или ранней бронзы; ирбинские, а теперь и кипринские памятники – к эпохе энеолита. Кроме того, Ю.Ф. Кирюшин часть памятников, ранее относимых к неолиту, включил в состав большемысской энеолитической культуры [26, с. 16]. По сути дела только завьяловские или изыльинские комплексы относят к неолиту, но по этим комплексам нет радиоуглеродных дат. Поэтому позиция А.В. Шмидта, который предлагает использовать термин «неолит Верхнего Приобья» [7, с. 21; 21, с. 18], требует уточнения. По сути дела этот термин не наполнен конкретным содержанием. В настоящий момент мы вновь оказы-

ваемся в ситуации, когда необходимо обосновывать отнесение каждого отдельного памятника к эпохе неолита. Требуется ревизия всех имеющихся материалов эпохи неолита Алтая и комплексное изучение археологических коллекций. Кроме того, необходимо целенаправленное исследование поселенческих комплексов неолита и энеолита Алтая. При этом особое внимание должно быть направлено на выяснение хронологии и периодизации памятников, и только после этого необходимо решать вопросы их культурной принадлежности.

Решение вопросов реконструкции этнокультурной ситуации на территории Алтая невозможно без привлечения материалов погребальных комплексов, но мы намеренно оставили эту проблему за рамками исследования, собираясь рассмотреть ее в следующей работе.

Проблемы культурной принадлежности поселенческих комплексов неолита Алтая, изложенные в этой статье, направлены на привлечение внимания специалистов к существующей ситуации. Имеющийся в нашем распоряжении фактический материал позволяет обозначить существующие проблемы, которые пока далеки от окончательного решения. Отрадно, что наши коллеги отмечают, что существующие периодизационные схемы являются «рабочими», требующими обсуждения, дополнения и обновления, а также корректировки в связи с накоплением новых материалов [17, с. 142].

Библиографический список

1. Клейн, Л.С. Археологическая типология / Л.С. Клейн. – Л., 1991.
2. Археология. Неолит Северной Евразии. – М., 1996.
3. Комарова, М.Н. Неолит Верхнего Приобья / М.Н. Комарова // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64.
4. Матющенко, В.И. Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.И. Матющенко. – Томск, 1960.
5. Матющенко, В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (верхнеобская неолитическая культура) / В.И. Матющенко // Из истории Сибири. – Томск, 1973. – Вып. 9.
6. Молодин, В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья / В.И. Молодин. – Новосибирск, 1977.
7. Шмидт, А.В. Неолит Приобского плато : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Шмидт. – Барнаул, 2005.
8. Кирюшин, Ю.Ф. Поздненеолитический горизонт поселения Тыткескень-2 / Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 1992.
9. Кирюшин, Ю.Ф. Новые находки эпохи позднего неолита на Средней Катуні / Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993б. Ч. 1. С. 80–84.
10. Кирюшин, Ю.Ф. Неолит Горного Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин // История Республики Алтай. – Т. 1: Древность и средневековье. – Горно-Алтайск, 2002.
11. Кирюшин, Ю.Ф. Кельтеминарские наконечники стрел с поселения Тыткескень-2 / Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии и этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX, ч. I.
12. Кирюшин, К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 : автореф. дис. ... канд. ист. наук / К.Ю. Кирюшин. – Новосибирск, 2004.
13. Кирюшин, К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.) : монография / К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул, 2008.
14. Кунгурова, Н.Ю. Микролитические памятники Средней Катуні / Н.Ю. Кунгурова // Северная Азия в эпоху камня. – Новосибирск, 1987.
15. Кунгурова, Н.Ю. Среднекатунская культура в вымыслах и догадках / Н.Ю. Кунгурова // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск, 2007. – Т. 1.
16. Кунгурова, Н.Ю. Неолитические индустрии Катуні и озера Иткуль : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Ю. Кунгурова. – Барнаул, 1995.
17. Кунгуров, А.Л. Опыт создания периодизации каменного века Алтая / А.Л. Кунгуров // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2007. – Вып. 3.
18. Ефремов, С.А. Местные и привнесенные компоненты в раннем неолите Алтая (на примере пещеры Каминная)

/ С.А. Ефремов // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск, 2006. – Т. 1.

19. Кирюшин, Ю.Ф. Неолитический комплекс поселения Тыткескень-6 / Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров, В.П. Семибратов, К.Ю. Кирюшин, А.В. Шмидт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2006. – Т. XII, ч. 1.

20. Шмидт, А.В. К проблеме среднеазиатского влияния на территорию Лесостепного Алтая в неолите / А.В. Шмидт // Кадырбаевские чтения. – Актобе, 2007.

21. Шмидт, А.В. К проблеме освоения южной зоны Обь-Иртышского междуречья в мезолите и неолите / А.В. Шмидт // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2007. – Вып. 6.

22. Шмидт, А.В. Неолитический комплекс поселения Гусятник-2 / А.В. Шмидт, Л.Н. Смирнова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2007. – Вып. XVI.

23. Кунгуров, А.Л. Неолит Верхнего Причумышья / А.Л. Кунгуров // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – Вып. VIII.

24. Кунгуров, А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха-2 на Верхнем Чумыше / А.Л. Кунгуров // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.

25. Кунгуров, А.Л., Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское / А.Л. Кунгуров, А.В. Онников, А.А. Тишкин // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово, 1999.

26. Кирюшин, Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири / Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул, 2002.

27. Тишкин, А.А. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей / А.А. Тишкин // Сохранение и изучение культурного

наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. V, ч. 2.

28. Бобринский, А.А. Гончарство Восточной Европы / А.А. Бобринский. – М., 1978.

29. Глушков, И.Г. Керамика как археологический источник / И.Г. Глушков. – Новосибирск, 1996.

30. Глушков, И.Г. Специфика формовочных операций в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 / И.Г. Глушков, Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – №12.

31. Софеев, О.В. Реконструкция технологии древней керамики поселения Каргат-6 / О.В. Софеев, М.А. Савинкина, Л.К. Ламихов, Э.В. Кокаулина // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск, 1989.

32. Шмидт, А.В. Демографические процессы на территории Приобского плато в неолите / А.В. Шмидт // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003.

33. Зах, В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья / В.А. Зах. – Тюмень, 2003.

34. Кунгурова, Н.Ю. Поселение Енисейское-I – памятник ирбинского типа / Н.Ю. Кунгурова // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Вып. 1.

35. Ситников, С.М. Поселение Новоильинка-III – новый памятник неолита в Северной Кулунде / С.М. Ситников, С.П. Грушин, Ю.И. Гельмель // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2006. – Вып. XV.

36. Ситников, С.М. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка-III / С.М. Ситников, С.К. Васильев, К.Ю. Кирюшин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2007. – Т. XIII.